

СТАНИСЛАВ БЕЛЬСКИЙ

**КНИГА
ВОЗВРАЩЕНИЙ**

Днепр | ГЕРДА | 2021

Об авторе:

Родился в 1976 году в Днепропетровске. Работает программистом. Живёт в Киеве и Днепре. Стихи и переводы публиковались в журналах «Воздух», «Арион», «Волга», «Новый Мир», «Новый Журнал», «Дружба Народов», «Интерпоззия», «Новая Юность», «Союз писателей», «Крещатик», «Номо Legens», «Литература», «Цирк "Олимп"+TV», «Флаги», «Контекст», «Парадигма», «Двоеточие»; в альманахе «Артикуляция»; на сайтах «Soloneba», «Post(non)fiction», «Sug.ma», «Полутона», «Топос», «Стихи короновирусного времени», «На середине мира», «Радио Свобода» и др.; стихи в переводах на польский – в журналах «Wizje» и «Helikopter»; в антологиях «Лучшие стихи 2011 года» (М.: ОГИ, 2013), «Антология одного стихотворения» (СПб, 2011), «Русская поэтическая речь: опыт прочтения» (2016), «Современный русский свободный стих» (2019). Автор сборников стихотворений «Рассеянный свет» (Днепропетровск, 2008), «Птицы существуют» (М.: АРГО-РИСК, 2014), «Станция метро Заводская» (Днепропетровск, 2015), «Путешествие начинается» (Днепропетровск, 2016), «Синематограф» (Днепр, 2017), «И другие приключения» (Днепр, 2018), «Музей имён» (Днепр, 2019), «Ошибочные теоремы» (Днепр, 2020). Опубликовал книги переводов стихотворений Остапа Сливинского «Орфей» (Днепр, 2017), Василя Махно «Частный комментарий к истории» (Днепр, 2018), Олега Коцарева «Синкопа» (Днепр, 2019), Сергея Жадана «Табачные фабрики» (Днепр, 2020) и Олеса Барлига "Большая сестра никогда не спит" (Днепр, 2021). Лонг-лист «Русской премии» (2017).

* * *

тёмное стекло между нами
словно веганская почта
или обратный отсчёт оправдомов
живущих в бумажных флейтах

(станешь ли ты
слабой как пирамидальная птица
с отверстиями для бритья?)

свет потерян в пропорции 10:2
не хватает лишь
придворных экскаваторов
мычащих whole lotta love
в пространство между
разлинованными зубами

(как если бы ты завещала
полимерный остров
с медеей слишком мелкого
слишком неудобного разлива)

* * *

пес-
чаной молитвы
одиннадцатый укус:
так слабость и слабость хвалятся
расслоившимся отражением

рокировки (пшеничной) памяти
и островного беспамяства
по свидетельствам заключённых
были хрупкой сиреневой фразой

материаль-
ный первенец как узел
двоичного дерева с
выкорчеванной медузой:
тинь-

тинь
на небесах
яко же во чреве кита
(там где окончился человек
затрапезная безделушка)

* * *

и мы простуда
и мы червоточина
в
умном спагетти
так демон честности
делает сальто-мортале
на первом же месяце
строительного хайпа

так мануэль де фалья
пьёт липовый чай
внутри картонного фонаря
и так
вишнёвая кость
помогает слепому ослепнуть

так-так:
то ли волос пылает
то ли это лобковая вошь
оставляет доклад
о длинной декабрьской жизни

* * *

чужое тепло:
рамки реликты
дуэлянты-лоточники
с серебряными носами
(на данный момент в разработке)

для глиняных ниточек
отменённый спектакль
лихорадки

ибозвучание
как животное листопада:
будущий махаон
пьёт из слящейся фразы

из линии проведённой к виску
словно длинный ефрейтор
переменчивой рукояти

* * *

у сувенирной дочки
(длинной как жизнь дождевого червя)

всё так хрупко что даже
бровь не выносит
выгорающих в пустоту

и

тянутся локти
управлять
негритянской бороздкой

как герои
какого-нибудь фильма
или просто герои

запутавшиеся словно
мураш во вздохе
десантной аббревиатуры

* * *

и я тоже
мельница лихорадки
взятая на поруки
ленивым гостем

полость тумана
показывает стриптиз
(её называет мишенью
опылитель случайных вагонов)

но чем же свободней
осьмая измена
провисающему над костью?
нагнившим фреймворком
в кольчуге из южного ветра?

* * *

горит ли волчок
словно червяк испуганный
затмением?
или обновляет щеку булочника
придонная лихорадка?

а ты дублируешь линейный ночлег
и валенсию

уст зазевавшихся
в нашем безволосом смехе –

запиши-ка его в садовники
архимедовых пустословиц

* * *

и винтового ветра дочерность
и монтеграмма плеча –
тот случай
когда наши летние половины
становятся половиками

(о не смири лесбий уколы
сратьему как ослу ногу мочить)

сыт я уже механическим волосом
пластинкой для грязных вод –
пусть проиграет в запонки
спешенные морщины

длинная сцена вынута
в меня словно метровая рюмка
чтобы продуть без опоры
на сонь поместных или слепцов подорожных

но – скулой не вышел
и важным гельминтом
: хоть что-то прилежное и хлопотливое
избвляется вчерве от ссуд
(так юго-запад при мелкой походке
вьёт колокольца дыма)

ты просто гордишься занозой
как мальчик воскресным грибом
или как языком (предварительно чёрным)
самка в натлевшем песке

* * *

двуостр механизм языка:
так и голубчик сух
и немощь острит покойно
о ритмических фонах лифтовых шахт
и о цезурах (слышим цесурах) в выжженном хлопке

нишейноги смехом
о лилейный блюстител раздачи
брезгуешь цветом
словно калиткой в битовый полдник
и кожа твоя-чужая
уходит
играть в уязвимость

* * *

прядью мокрою, ряженой костью
невест но не жён

бессильный удар
в бумажный фонарь наслаждения

вот ведь ребячество средней руки
слишком резкое для болотных птиц
и тепловых прицелов

зеро, зеро

голос томлёный
дуэлянта работных дымов
запутанных полярными жаворонками

* * *

схлопнулась недостача
бросила в синтетическое лоно
стеклянную слюнку

а клюнуть задумчивость
красок не хватит

лежишь на лестнице мёбиуса
и шепчешь: вот союзники подъездных аллей
вот враги шей раздутых
словно черчили парового панка

секс существует ещё
как лист хромового стекла
захороненный с пылками
водопроводными трубами

* * *

одна и та же поверхность
о которую ты бьёшься:
рукой, ледяным платьем

слишком уж долг период
дребезжания грузовых стихий

ещё немного, и не останется
даже мельчайших транзакций

их говорливых следов
и прожорливых запахов

* * *

докучен упавший свист
в разбавленной табачной лавке
словно голод почтовый
сомкнувшийся о суммы деревьев

по чтению странному в мёртвом саду эклиптики
по пеплу замешанному
продолговатым утренним телом

где разведчице грубой любви
дают подробную схему отмытой палубы

* * *

размеренна смерть в усечённом конусе
её маленькие грубые подошвы
и целлофановый трюм возвращений
не здесь ли желтеет формальное правило обхода
взятое в кавычки как инородное тело
пожива узловатых дыханий

найдёныш кашляет в острый речной рукав
где вишнёвы шаги командора
на сумму около 30 миллионов евро
(ренессансный бюджет развязки)
так твёрдость теряет пропорции
в келье холодной разносчиков хмеля
с прожорливым хлебным светом

так мучается линия нанесённая
на размытом дождями
полуострове ладони
так сочетаются невесомые конфликты
и впиваются в квадратную ветку
пробивкой живого метро для отморозков

но загрязнён бытовыми отходами
и хладен канал чеширской улыбки
с утопленницей в лубочном надрезе –
ходят по берегам его томные звери

и ночи тележной в её целомудренном займе
рано ломких стволов языком касаться
столь чуток туман в долине контрастной речи
а в смехе присвоенном – биенье часов
свёрстанных блуждающей проимой:
всё те же расшитые бантами угрозы
охраняют от спеси субботние письма
чиркают спичками по ободам
влажных женитьб сосновых

* * *

тростниковой дверью отслушивать
снижение гнилых ласточек уже
не доведётся и притворяться
мальчиком или девочкой в леденящем
теле акустики отсчитывать
молочные деревья от преждевременно
истраченного наслаждения

редкий ресурс как призму любовную
вертишь в зрачке книжного слога
в госпде газообразном
любой патефон
собирает бригаду духовых субподрядчиков
только ленивый не чувствует боли смущённой

* * *

кран, полотенце – животные под защитой изогнутых стёкол –
без права быть внесёнными в анонимную историю.
деревянные музыканты завершают ритуал чётких пятен,
осмысленных вопросов. стыд – чаша,
переполняющая каплю, поражение сплава

приходится быть минотавром, ищущим вход в лабиринт.
материал слишком сырой. сквозь разграничительное двоеточие
надо попасть в мариенбад, где только начинают торговать кирпичом.
текст рождается из температурных условий, хватит и лёгкого пунктира

аудиосхема красива, как придушенный гравитацией барс.
мало-мальски знакомое лицо кладёт гирьку на левую чашу,
задраивает пляшущий слух. вольно ожидать от зеркала глубины,
от надреза – просторного звука, от шёпота –
чешуйчатых насекомых, распадающихся по прозрачному шву

* * *

подсветка трёхъярусного трейлера, загруженного пробной монетой
взаимовогнутые снежинки, евклидова морось на радужных оболочках

так ли движется проза – как насмешливая гостья в дурную погоду?
как рот картонного вора в театре «уверенность»
где отрицают реальность стекла?

побеждает голубой электрический свет сшивающий обе системы
координат – подача идёт то справа то слева –
пока в двумерном футляре
угасают одна за другой зимние церкви

* * *

нелюбовнику твоему
сложно замерить сухость местной тектоники
ещё одной растерянной родины цвета
(секс – как марионетка в порту
всегда просит сдачи)

видишь: не к лицу кожух женский
демону снимающему с себя
лицо за лицом (размеры не уменьшаются)

тёплый воздух примешивает метки различий
гладких словно перепелиные яйца

и грубость сплетается в лёгкость:
мёртвые жуки достаются только упавшим
перепутавшим осла и линию на заборе

* * *

"если я кажусь инкассаторской мамой
это не значит что в голосе
может гнёзда вить
любая проточная дочь
пусть сначала половинам деревьев вернёт
коллекцию шагов фехтовальных"

выносимо и отторжение
вертикальных площадок; в пыльных
банных едва проснувшиеся двери
разыгрывают – сами для себя – комедию упадка

* * *

жизнь без любви на медных пластинах
музыки совершенной;
стоит точку слепую разжать –
и прольётся моча фаворитки

кружится двоичное облако
у входа в нотный диктант (болванам направо)

грех снова становится сладким; блейминг
расчерчивает поляну ниткой слюны
из доказательств лишь грохот деревянной двери
да фортепианный концерт г-на мазоха

* * *

слова – механизмы осязания в
соляных палатах где молчание
ангелов и растений
возвращает утерянные объекты
перед плотиной рваного шёпота

свидетели рокировок стоящие
одною ногой в красных снегах
простукивают вслепую
ковриги шелковиц
не добавляя впрочем особого смысла

фонтаны поросли цветущим дюшаном
(опасность на стороне ответа)
и человек читает последнюю спичку
чужим прокуренным голосом

универмаг иллюзий
размечает доступное небо
для жителей безлюбых предместий

летающих дозревшими бабочками
на островную работу

популярны танцы-мортели
по сюжетам праведниц
да вереницы гофманских скобок
обречённых десятилетиями
скучать на театральных вешалках

* * *

горе тем человекам которые бродячие утки
цирк "поверхность" увозит месмера в радужном
фургоне
не связывать ему узлами юношей деревянных
не огранять их движения раскалённым ветром

мало радовался он по утрам долгополым пчёлам
цеплявшимся за цифры выворачивая их наизнанку
раскрывая словно зонты костров зобастых

(шепчет:) бей по лицу меня гортанными
словами а лучше мокрыми подтяжками
проваливайся в кость надкушенную возвращайся
в заброшенный дом дыханий

* * *

урок поражения / пьянящей волнистой линии

поезд как размалёванный стажёр

личины игрушечных жертв
и щербатых маятников
совсем не жмут и плюют в ладони
искрящимся невестам пахаря

соединяя серое с жёлтым
поможешь нам стать чудовищами
чтобы непонятное "я" появилось
и сразу обанкротилось?

* * *

ударисься о подвижное число
на режущей плоскости
осечек/ истцов развёртки

и незаметно станешь
параметрической поверхностью
скорлупой паронимии

защитой от подзащитных лестниц
где почерк скрипа мягкого и блюз
дверной в итальянском платье

и где пропорции огней не имут
но колют пальцы
иссохшимся арендаторам звука

да отменяют в августе
модельный ряд дождей
и треть приоблачных бойкотов

* * *

попытка ответа / параллельно плоскости винтов
сморщенные отрезанные вундеркинды /

облака поглотившие низкие крыши /
вино разлитое по трём бойкотам

ветви воды проникают в летнее тело

пробуем падать в каверны / мерцающие письма
/ чуть быстрее чем тела вызревают на сцене

противоборство темы / побег темы
к ней приводящий / пас никуда при игре в хотелки

* * *

рек незаметных и тем запретных
едва-провисание под натиском ледяным

всем кто говорит до свидания
целомудрие поможет вспомнить акцентированные
рубашки

комедия мягкости:

есть ли у тебя ещё одна странная лестница
или ты притворяешься птахой дневной?

отдаёшь шаловливую камеру мёртвому внуку
ощущаешь себя заводным пространством

цепляешься за разрушенный праздник

желаешь остановить море
лишь сегодня нарисованное

* * *

неправильно понятая работа:
отмена регламента перелётным надрезом
/ массивные объекты занимающие
всю выделенную свободу

ивовые костры дискоболов / ключи к избранным
механизмам / наконечники римских развилок
относительные цвета внутри пальцев
всеядных резонаторов плоти

комикс о лестничных координатах
которые можно лишь продышать
орфей-торговец гложащий расклевённые листья

улитки по обе стороны
закрытой двери
в операционном смысле грязны
и приводят к распаду –

/но впрочем продолжают работать
хотя и мажут на каждом шагу:

таких молочных туманов здесь ещё не бывало/

кропотливо фиксируется
присутствие на шероховатой поверхности
разрежённая резкость в которой мы исчезаем

призрачная механика раскалывает водосток
на острове где так мало букв и так много ограничений
жить например приходится в обратном порядке

если ты размотаешь узел: это
действительно лёгкость холодного ветра

гранатовое зёрнышко лежащее под шкафом

я описывал машину отмены / возможно
со временем я расскажу о других её частях
действие должно быть совсем простым
словно матовый ноготь в петлице у органиста

* * *

наблюдение за изымающим тело
обнулением любви: на сортировочной станции
два негодяя строят аппарат обмена

внутри деревянные хлопья/ горечь победы

сатурн всегда убирал игрушки
будто мог обидеть хотя бы одну раскаявшуюся

маршрутизация ископаемых сигналов / напряжённые
острова звучания

душные шары стучат о лампу
смешливого божества
в краю деревянных планок и летних фонтанов

* * *

машина прерывания методично
сжигающая своё имя
затем пепел имени / но имя пепла
участвует в разработке под псевдонимом

словно глухой собрат
рукоятей стальных оторванных от острова безопасности/
предисловие к шуточному сиянию
дома у малой дороги

результат монтажа становится его же моделью
созвучием поглощающим собственную запись

рассекающую подлинность контура/ мягкую
вершину равновесного дерева/ фразу рассыпанную
по этажам зимнего солнца

* * *

шорох сдаётся в плен/ голосовой автомат
и прочие конструктивные неудобства
восстанавливаешь в плоской памяти
полыхающей мошкары

можно сказать я счастлив и я несчастлив
с одинаковой вероятностью
уводя себя мимо слов
из рекурсивного прошлого

но уже нельзя
разменивать себя на грустные мелочи
после рассыпавшегося антракта
сократившего все ледяные кромки

всё равно ешь заливные ножницы
говорит прозрачная девушка черновиков твоих
/узкобёдрая программка сбросившая себя саму
в осушённое благо/

* * *

"тугое что может быть другим
только не руки не ногти

кышь —"

пугает металлическое слово осколком рта
грустный любовник глотнувший подземного цвета

"оглушён лишь киль моего корабля
все остальные критяне смертны
а главное выигрышны в лотереях"

замыкание работает в обе длины
задавая недостающую в пазле ловушку свистелок

старая-престранная закачивается в цыпочки история:

"любишь дыру повтора? повторишь
и дерево козлоногой резкости"

* * *

вновь костёр человеческий: узор
в тёмных листьях и чёрствой почве
распев электроэнергии на ближних холмах

заболоченные площади заботятся о себе сами

зрительный зал отсутствует

мыло лечит
гибкие
хлебные единицы

(потеха пятну дверному: быть ему дружбой? ничем?)

в наклонном здании с воющими вытяжками
говори языком доступа
води языком доступа по высохшим плечам

ох, эти модные темы в пустом зрачке
пломбы вырванные с кустом адресов
и полицией наслаждений

* * *

я видел "это" и было "это" возможно
женщиной предназначенной к прочтению
путешественницей по пылевому морю

ответ, слишком недолгий –
главное как следует упустить себя, верно?

летающий по воздуху нож
чёрт знает куда летающий
(вплоть до песчаной скромности)

технический гул задевает липкую
ярость мальчишью
кажется права на перерыв истекли
ничто больше не разжигает прозу

как великан у лестницы нарядной прощает красоту?
в припухшей, облачной мизогинии
переживает потерю задолго до потери

лижет компот –

бог кабины душевой
бог кабины огневой
подступает жизненная серость и ломает ему рёбра

вещи окунулись в озёра лохматыми головами
тоска любит прозрачных несмотря на раздутые вены

у лифта идеальная жёлтая точка в глазу
и молочная кожа

буквальный смысл, тлеющий стилос
восковая таблица архаики
наказание гулких абрикосов
бывает ослабленной величиной

нет указаний снимать трусы
с тебя моя пылевая вождь
руку отдавшая на отсечение
плазмы фабричной хлебнувшая

может ли быть бекон умней
мочи, пота, соплей,
беглых прикосновений – почти параноидальных?

* * *

эпоха сентиментальности: люблю так
что раскручиваю технику будто горящую ветку
линии цвета обмазываю в чёрных телах
огня, в стенах непоседы-дома

вместо ребёнка разумная оса,
слегка золотая, разучивает терцины
а мы наконец получаем
управление достоверное и грешное
как дуло дождя

если бы лишь в граните
откладывала бабочка синие нити
если бы нас огорчало
что "мы" – питомец мозаики

если бы кратер жёлтый
спрятал всех кто готов был чихнуть
только бы встретить
лампу в раненом кружеве

мореход рисует восход руки
над курильской трубкой
"никому воды" разнесит
осквореченной пылью

а остров говорит просто
сопротивляйся материалу
мышцей сигнальной
клейкой пушинкой времени

* * *

хочу ещё раз провести
всю нашу алгебру сквозь
аналоговую преданность

выпить компот
отсчитать брадобреев
как водопроводный кран – ленивый, мерный

опадает сезон будничной ткани
пока скрипучие знаки
разъясняют путь мышиному королю

круг белым нельзя назвать
он как страх
модераторов режет лёгкое имя

в этот день возвращённый
был бы я рад заблудиться
среди расстёгивающих
и застёгивающих пуговицы пальцев
лишь бы не мерцать в садах и блёснах
лирическим вором

* * *

1.

свобода перемешивает карты

(должна же найтись изнанка)

солнце
едва научившись читать
засыпает

слово ведёт в мерцающий ноль

на берегу эпидемии
входить в чёрный дом, выходить

играть со входом в напёрстки

2.

сад висячий
сад злонамеренный
где сохраняется пыль
самой неглавной вещи

мелочи, разницы
в старинных телах

площадь секундная
чётких кругов на воде

хипстерские одёжки бури –

переполнившая капля
обращения к обращённым

не можешь понять когда
лифт спускается

и когда

последняя прогулка
перед отправкой времени домой

* * *

слёт судей иголь-
чатых
на парковой дорожке

миниатюрного бога:

распугают, распутают целостность
раздарят масштаб

что будет со стихами
которых ещё/уже нет
как и летнего воздуха?

ждём выбора
во дворах перезревших

синовиальная жидкость
лакает горстку пылицы

совсем не обязательно
собирать мыльные пузыри
в крестовый поход –

не осталось и спички бегущей

резкость
зрения
оправдает себя в подстановках

но сможешь ли ты
отдать неразменное стёклышко
тому кто им не соврёт?

не сидится, не светится
опознанному механизму
разбросать бы его

как мальчик
бёдра памяти ржавой

* * *

помнишь как пытались склеить историю
на радость бегущим строкам?
загвоздка в том что наклонная дверь
не подходит к цилиндрической крыше
а магнитный ключ
ко скрещению солнечных линий;
из окна виден бережно
прорисованный почтарь с пятнистым конвертом
в кармане пижамы последняя пуговица
и самодельная лопатка
сделанная из банковской вывески

* * *

развязка комедии
веток квадратных
где всякий – кромка истории
высохших ударений –
уход застекливший точку отсчёта

не воздух уже но смятая карта
решает задачу с одним неизвестным
царапает слух смещённый –
марионетку
теории достоверности

* * *

на опознании ты показывала телеграмму
от своей возлюбленной маркитантки
три пунктирные ветки для объявлений
тонкую косточку опечатки

ангел ограды двигался дальше
вегетативных узоров
и ты пыталась отвадить его
от пересадочной станции
самой себе изменить
объясняя шальные приказы гармонией

надо же было когда-то
и сплетавшихся ящерок аппроксимировать
суммой белых рыб-ударений

столь чистой и разрушительной геометрии
не случалось ещё на февральских вокзалах
в кротовых ходах ассонанса

* * *

хочу взаимы такую же лестницу
положу её в твой карман
или забуду на вешалке
с неоновыми веснушками
или выплесну с остатками пива
— почти случайно —
чтобы страх убежал с полочным

как же гулко ты топаешь
внутри цветущего дома
я никак не дотяги-
ваюсь — человек без двери

* * *

допустимо ли отклонение
от эллиптических линий
в застеклённых постелях?

на каждый безударный слог
приходится десять лижущих блюдо –
так и март может пожертвовать
чем-то серебряным

а может и правда – лишь с камнем просторным
мы никогда не прощались
нарушая
неуловимые протяжённости

почему-то теряя всякий раз себя
а не что-нибудь внешнее
составленное из подмокших яблок

* * *

любеобильные машины холода
смещают ветки
в рот сцепщика пристаней
во время уборки позднего снега

надо идти ему
вдоль опушённой матери
приманивая свидетелей – даже
ногти расцветают у них
не на том ветру

а впрочем и утро
столь девичье – вопросительный смех
и пора возвращать неустойку
какой-нибудь из расчихавшихся радиостанций

* * *

так ли яростна древняя булка
над городом

где было тебе ориноко
с запущенной вороной в голосах?

а после озноб разувался
и заходил дробить
уста рябиновые
различимые
вооружённым взглядом

* * *

разряжается ближней грозы
игровой автомат
выпадает вдовствующее слово «здесь»

у кольчатого червя-водостока
внутри полумесяца комнаты
с истлевшим светом
снись шерстяная молекула
инспектору святости
двигай колодки в лесистое небо

* * *

активней иных
шелестящих усами деревьев
и финикийских графинов
разбитых охотничьим зрением

перебегай по нормалям
света-трясины
к отмелям авангардных симфоний
и осязанья изъятиям – робким
винтам надтаявшего звука

* * *

нелепого секса ручки
а у вас? ночные деревья
путеводные посохи

привыкли кричать изнутри
производственных тел ах оставьте и
нам половину какого-нибудь дирижабля

помнишь читала старьевщицу по слогам
поднимала судейскую мантию
под ней дымилась мелодия

заменяла её на сестрицу-облако
поначалу невинную а потом
всё более виноватую

* * *

заканчивается область видимого
"я" разъедается изнутри
невесомыми проекциями

зачем же хромать по рядам волхвов
с актрисами
отражающими лёд в головах алмазных?

закусывать губы примерных странниц?
продавливать витражные окна
виолончельными колками?

добрые книги начинают сердиться
и мы растерянно
ходим по морю аки по морю

развязываем и завязываем
любимую тишину
девчонок заштатных
и дворников убелённых

* * *

неряшливость любого взгляда в реку
сослагательного наклонения.
нельзя ли растворить геометрию в спирте?
отстирать до пасторали?

поезд прибывает к облаку черёмухи.
дверь, ещё. масленица подобия.
но падают боги-валторны
и веснушки болельщиц пусты как стеклянные полки

* * *

ещё не сбросило
рваную одежду дыхание
не заселило пеплом цветным
надуманный камень

здесь конечная остановка
у искушённых в любви
вилок с ножами

а я хочу отнять у тебя два слова
о лунах контактных
не быстро
не навсегда

* * *

синеве захолустной головы не сносить
и сфера слепая (чёрная лишь понаслышке)
добавляет монетку марева
с такой простотой будто съедено целое утро

никто не расскажет о любовной симметрии
уценённой словно облако над шкафом
щекочущей распил электрики

иногда нужно просто на всё забыть

не знаю сохранились ли при вращении
иероглифы или хотя бы римские цифры
особенно в прогорклом воздухе
у расслабленной прибрежной линзы

* * *

хождение по шестерням смол крылатых –

будто взвыли все улиссы
упорядоченные по убыванию –

в шляпе похожей

на зелёное солнце
над лопнувшей пирамидой
укусившее ветер за нотный палец

на трубу диззи гиллеспи о
которую многие режут пальцы
когда занимаются любовью (только глазами)

в длинном квартале освещённом горящим магнием

* * *

свечению продай минуту
оттепели в комнате с трубой до древес
не знающего усталости наречия

голос обхлопав по равнодушным
волосам горит бирнамский лес
но тихо тускло и

неумолимо как минотавр
за ужином с патефоном
и пашней тенистой форточки

* * *

но если нервно молотить по самому
внушительному из умолчаний –
останется ли в разветвлённом воздухе
мешок червей?

славно говорить о высохших садах
тому кто это заслужил
неровной склейкой
разжаловав нас до грязного сахара

катится фура наигранного восторга
обе половинки её ноют и лепечут
словно разутые клоунессы

тела винтовые жуют подкладку
готовятся мелкими выстрелами
разбивать баснословные семизначные числа

* * *

разведка свежа как речная звезда
или коленная чашечка фехтовальщика
соглядатая неба сего

бесплатная радуга мёртвых
растекается вдоль оси озноба
перед впадением в чистоплотность

между робкой смолой телефонной
и выбеленными ногтями работниц
с деревянными червями в нагрудных карманах

* * *

с попутчиками цвета мечтать
о старости зернистых построек

о топком изюме болот и похотливой
чуткости княжон шахматных

о спугнутом пращуре залатанного холма

сверлящее небо
вступает в войну на год раньше
всеобщей любви к растрёпанным головам

если и дышит – сквозь торпедные отсеки
промокашек бывалых

шуберты начинаются с размокших комиксов
а кончаются вовсе ничем –
исколотым тусклыми шпилями посланничеством

* * *

обратным зверем утверждать обратное:
отстоялась на правой ноге химера
как юный авиньонец-папа
в объятиях василевса

и светят в надлежащем порядке
пупы хлопотливых хозяев
на прогулке бездетной в дневное время
украинного бессилия

словно мы не делили друг друга
распахнутыми дверями
а подбирали со свадебных столов

чертежи ненасытного зрения
и удивительные имена городов
перед смещением стальных ординат

* * *

исчезновение – подарок владельцам
ветра сплавляющего по течению
деревянные дома

как хорошо прерваться
за десять минут до конечной станции
зашитых словес рублёвых

все мы твердеем на этой
отчёркнутой солнцем дороге
с выпуклыми веснушками земляники

* * *

жёрдочки упрекают разумных
нумерованных прохожих

в любви захлестнутой титрами
смещённого горизонта

в реальности просеянного и втихомолку
разжёванного пространства

/не способного стать звуковым узлом/

ещё немного – и парк обронит
безразличное море со вспыхнувшими ветрами
недоумение усреднённое будто невеста смеха

* * *

арендатор продувший в покер усы
матери своей кобре
до свидания не говорит
стала река прытким панцирем
при смещении ограды и костерок
запрыгнул арендатору на макушку
едва он перенёс бумагу "везде случай"
от северного конца затонувшего поезда к южному

* * *

клавиатуру клюют
голодные духом специи
разделяют мужчину-маятник
на две учтивые половины

заняться бы им
каким-никаким величием
со строгими межсезонными лошадами
слушать то что называется голосом
бредущим посуху и даже не марающимся

* * *

и вдруг ты подписываешь ногтем
плоскую чашу драконью

эндшпили муравьи наложницы –

кто следующий на выход
из тиража пытливых ботинок?

это твоё быть и не быть –

означает жить в мозолистом грунте
ещё одной изнывающей от любви кометы

* * *

рассматривать на выброс
утолённое белое
государства лютых ключиц

знамя переспелости над интерном
по колено которому арфа
с любым из футбольных аверсов

конструктор температурных рук
прибывающих на книжную свадьбу
в зависимости от расположения суток

* * *

лишний день идёт на твоих двоих
пропитываясь грязной водой
словно взгляд самодельный над лунным пейзажем

ты оценил насколько все были готовы
к твоему рассеянию сквозь любовную шляпу
и далее сквозь ливень значений

теперь колокольники задыхаются в трещинах
над курьёзной рекой
заполненной крошащимся цветом

* * *

человек безголосого человека
чувствующий жизнь словно ком белёсый тепла
говорит с собой
особой степной наукой:

"а силён ли я
теми травами тела
что пришли сегодня согреться?"

теми травами
фактора человеческого?
о хотел бы я облегчиться
от фактора этого
делящего меня примерно пополам"

обновление пейзажа
подённое, бесплощадное

все эти "но" и "если"
преодолённые "здесь"
все иные союзы и предлоги –
возможно, предлоги любви

мыкаешь
сталь постиранную:
инструменты иногда размыты
а иногда остры
но бесполезны
при вырождении сухости

опомнился и человек серый
когда белизна пришла за вареньем:

"все говорят
даже приехавшие на праздник
из невидимой огромной полтавы:
заниматься любовью с
сорочьим начальством
<с ромбом то есть>
так же грубо как расшугать поперечник вен
всеобщему едоку пичуганов"

* * *

доктрина превентивного распада
(на чету нейросетей)
ты отмечаешь на карте нижайшую башню
внутри ожидает насморк
он всегда ходит по правилам

теряем слова словно конные статуи
комендантов йокнапатофы
двойную сеть описаний
добываем из сока алоэ

всё будет так хорошо что мы
сгенерируем тор или сферу
и не дойдём до худого

* * *

лишь осязание сможет доказать нам
что-нибудь новое в надземном переходе
между демонами осени поздней
и руками влюблённых женщин

в аппроксимации нелинейной (слабее собственной тени)
так и не дали забыться
всякому избавленному от многоточий
пока не съест лодку с разреженными словами

промокашке-дурашке хватает времени
передать огню все загустевшие почвы
все дородные тела
оставшиеся после соития

чудище регистрации
– зверь с большой головой как у дольщика –
заворачивает позвоночник
в такую странную тень какой не бывать
у стриптизёров стеклянных

берег до отваги набитый моллюсками
должен оплавиться
как лоцман захвативший целый завод адресов

вычеркнут водный пузырь и вокруг – галактика секса
заштрихованы усы под одеялом
переведены с датского на язык пылевых облаков

молчаливые гости забыты по шляпку
в гибкую власть двоичных конструкций
всё что заметят – успеют одобрить

* * *

поговорим с насмешливыми мухобойками
футуризм предстанет в виде
раскупоренного коньяка
и процветут заборы с хахангелами чеширскими

в обложках бумажных
каштаны живут поплёвывая
человек ворованный впадает в речитатив
обшивок деревянных и других источников дружбы

* * *

«нечего сказать» в форме глаза
иссушающего обязанность

прихвостень любви
вывешивает в окне аккуратно
подстриженную молнию

крыша дома – разрушенный плот –
где нет уже следов нашей речи
пактов капитуляции

твой пульсирующий живот
обёрнутый в рыжую газету
отпечаток моллюска на африканской маске

«нам приносят новости из затопленных дней»
справедливость не считают сигналом
обмякшие струны жаворонков

быть несчастным как жёрнов принявший в жены
солнечное мелководье
испещрённое почётным курсивом

* * *

ангел спички упавшей
предпочитает вычитывать
отвесные лестницы в сумерках

авторитет камней надорван отказом
паузы увязать
застывшие словно сфера в парадном бури

оптические детали сочиняют калейдоскоп
с ловушками, провалами
автографами двумерных гостей

* * *

плавится в случайных контейнерах
всё что осталось на долю июля:
долгая история зрелости
сомнительное удобство наскока-и-отказа

если секс – сплошное недоразумение то что же тогда
стеклянный арахис не способный
даже куцую молнию в шортах затегать?
простуженное солнце вращающее
детали велосипеда?

царство земное закрыто на капитальный ремонт
матросы стоят шелохнувшись
сантехники привинчивают к фаллосам
керамических ласточек

ладонь тыквы или наездник
правлящей династии – кто будет
отцом и защитником бородатых людей?

король-ретушёр фонтанирует свечами
тезис поглощает длиннохвостый антитезис
все хотят чтобы королева-фантазия
нас поимела проблема лишь в том
что никто не хочет раздеться первым

санитарка приносит люстру грязи
спорит об опустошении летних платьев
и ороговевших пиджаков

ты и так огромна но я забываю
что внутри стадион где танцуют польку электрики
осаживая респектабельную
невесту по имени "всё остальное"
растущую – день в день, рука в руку

* * *

разлом
в лице упавшем с гранитного обрыва
днём подброродок
развлекает нас выбеленной пьесой

долгие-долгие дети без примерки
мир – словно куст земли
портал для обнищавших птиц

идеальны рваные линии
на искусственном острове:
их временно отключили

а вот и синева-синева
в немного трезвом глазу
раскачивающейся оттепели

огнежуйство
колокольчиков подвопросных –
с такими застрянешь

расплодившиеся как сычи в новоязе
абьюзивные терции
покалывают
освободительниц росы

измололи отверстия в басне
вот-вот прольются в наивность
всеми косточками перин

растяжки цвета логичны
что хвост тирольской собаки
мухи белые, работающие
выносят их садовую плотность

охлахемой киношной вызревает слово,
густой робостью

* * *

под солнцем синее солдат-бабочка
испуганный стыдом древовидным
говорливые ткани бездымны как вестники
спасатели беременны и просторны

по приказанию короля Лесопилки
(владыки гендерно окрашенных лип)
линии ускользания пересекаются у форта "мороженое"
факел жирных волос наследует
прииски дождевые

случится ли нечто новое
с гроссмейстером белого шума
или шелуха островная пройдет сквозь пальцы?

* * *

что двоится в нас – конечное, долгое:
остров? балет автобуса?
потребность в сожжении ведьм
абрикосовой падали и шалфея?
прилагательное должно быть единственным
мир недолгим
(как шулер зажатый пристройкой)
чтобы выманывать вино из мышеловок
шероховатой устрице побега завидовать

не часто себя просил а сейчас
прошу: не надо гаваней
где холод течёт по маслу но в рот не попадается

* * *

мёд – это провал в существо дела
где опасность смыкается с отключённой улиткой

инспЕктора преследует во сне молочай
открывают двери из быстрого хлеба в медленный
косцы трав – доподлинные стервятники
(сейчас вынырнет поезд с их главарями)

а нам нужно немного: точки над всеми буквами
чтобы сохраниться в дубовой коре
с ничейными стригунцами, с шапками звука

* * *

а.

хватаясь за новый предмет – а он чист как слюна
соломенный робот зовёт всех нападающих иванами
по небу ездит блюдо из нержавеющей стали
затмевая разобщённые города

светлые боги проводят лекцию стоя на обеих ногах
затенённые встречают закат истерически обнимаясь
гира кружится в асфальтовых тропиках,
как целительное бревно
если слава чего-нибудь стоит, купи велосипедную
шину

б.

в затенённом автомобиле одни слова
ничего человеческого, кроме морщин,
обречённых движений, ламп –
может, совершена очередная
притворная старость?

вслед за ранним глазом появляется второй
уже учтённый сопротивляющимся материалом
уже подвешенный на жилах газет
возле неразменного берега
письменного шкафа

знаешь, соломенный робот, и я найду
твою ржавую спираль, чеканного болвана

* * *

стригущая расценки пыль
отстраивает человека от
одной из девятнадцати пружин –

из тени в тень
где циркуль хранит невинность

и шурупы сияют в пушинках
безработных фонарях
и воображённых богом купюрах

мантий косцы неуловимы
вся надежда на ветер
стерегущий одежный склад

двери разрежены работа невидима
расписание бездыханно

* * *

ребёнок остаётся верен словам
отбрасывая бастион за бастионом
когда "всё" обрушивается в щавелевую оговорку

твёрди ловец трунит над мелькающим основанием
но ведь кроме него – есть маркировка, копать
расходные офицеры, вороны в сёдлах

– иногда говорят "к великому сожалению" –

снят скафандр запаха но не звука
без оглядки на осушённых акробатов

* * *

темы свёртываются в клубок меланхолии
все разговоры оказываются плагиатом
из нас самих, влюблённых в водонапорные башни

наследницей бильярдиста назначается литровая банка
она хочет видеть огонь, но не слышать
его раскалённых, матёрых детей

двери вшагиваются в искусственный слом
в размагниченное танго
трогающее макушку безветрия

желание – это город в котором льстит
себе каждый барометр
а честность прореживает поселян приборя

элементы маячной конструкции
под видом стульев
собираются пересечь пролив

найден обратный ракурс опустошения
все собравшиеся за столом уже пригублены
застрявший в графине месяц никому не должен

рос он, рос, чечёточников расталкивал
обшивал красные обручи, нашёл наконец
цветоложе для маринистики

* * *

шаг ко склону
ворует ли минуты у нечистот?
падаль отменяет вероятность ответа
спокойному ресурсу – скудному как мякоть

говори мне "я" даже если веришь
в неоновые ловушки
залитые тёплыми гвоздями

обучение шероховатости –
ночь? зрение? невозможно доверить ratio

защищает саму себя разделённая дата

жирные пересечения снов
попадания в слащавую единицу
и возвращение: две ложки "искусства"
(не задача для болевого беспилотника)

намечается падение троянских коней
в искусственные озёра
и охуительный секс
с цилиндрическими телами
пришедшими на праздник в размокших пиджаках

* * *

обживаемся
в тонких садах мракобесия
в счастье удержанного письма

всё выносимое лучше вынести
всё несгораемое обогреть
неусыпно выветриваясь из ключей

хочется слов о неглавном
о гарпуне посреди осаждённой лужи
и обрушении тореадоров

о румянце дробного дома
о чернилах осушённых жуков
где как щепка пропадает указательный палец

твоё и моё смешныя величества
подскакивают
на каждой ноге по четыре раза

освобождаясь от обязательств
перед непомерным
"может быть"
с прорезями для дыхания

день под облаком исключений –
не слишком интересный, буквой "Ч" –
в тупике справедливом и точном
дверного массива

но увидим озеро, создадим
весовую функцию, станем
прозаиками – то есть отчасти приличными людьми
для оттенков, для вышколенных перекрёстков

"они" постоянно "они" – влюблены, разлиты
а "мы" иногда "мы" а
иногда белый флаг со щукой
или фраза "вот именно, не повезло голосам
когда женщины срывают отцветшие локомотивы"

* * *

в машинах утра новый сбор
времен и рассечений,
костры в черновых одеждах,
перекушенная флейта,
изливающая верность мёртвых

дверь тянется сквозь
нежнейшую развоплощённость
отцеживает самодовольство
весточек деревянных

при высокой кучности стрельбы
открывается глядящая волком косточка
и множество похожих на пешеходную зебру веток

изменить: способ утилизации
слишком чёткий дикторский голос
верить: в существование фермеров
нарисованных на руке

с лучистым солдатом и шутки плохи
без приказа или хотя бы тени приказа
устроит его лишь алмазный свет
распадающийся на ладони

* * *

касательная разучивает
бумажный холод

колеблется достоверность морей и огрызков

пример неприменим
как будто играет закрученным клювом
первый из мародёров

в грубых сумерках счастье и
некоторые объекты величиной с горошину

прекращают обмен
соломенных плеч

человек исторический
забывает правила умножения
пчелородых подушек и спиленных деревьев

большие корзины выжигаются изнутри
никаким звуком
даже радушным

одержимые маятниками
закладки
содержат зверей лишь из ритма

* * *

тот, кто хотел быть всем
– уважаемый, частично покойный –
может
как вызревший шар
допустить игру заноз

пусть
словно заколоченный крест-накрест
сатурн проповедует
сточным водам

сбрасывает не один
а все холмы в дневную память

* * *

человек с номером "мне осталось"
целую ночь вёл облаву
на театральный смех

путь сквозь детство
разведан как ржавый винт
или большая нога, издали городская

исчезновение флирта – о бедный гамлет

больше всего хотел быть усталой лампой
наброском всего, что может высохнуть на солнце
расстаться с горящим волосом

совсем не уверен в раненом саду
с похожей антропометрией

ничья сумма; ни
пожелание холода
ни спокойная грубая масса:
обёртка над бледной
запасной частью, сплющенное колонной лицо

у куба степные глаза
и термальный
отвод памяти по нагоньям:
след исчезающий раньше учтённого неба
с варварским струпом на ножнах
и геометрией
влажных после блюда сосков

(убийца двумерных личинок
жалует футболку
с отцелованного плеча:
укус левой пчелы придётся на смысл
корпоративных отливов)

а если работать аллокатором
на белоснежной пластинке?
если снимать стерильным пинцетом
с любого вопроса
кишение скаутских правил?

прочь из кармана
с нарисованным сном
и глотком
масленицы
как
острый чёрт
на глиняном подворье –
в профиль похожий на принцип
классического детерминизма

* * *

с мёртвым двоеточием
не поспоришь –
так же и с мёртвой любовью
и с осязанием
склеенным
из бутылочных осколков

гекзаметр –
молодильное яблочко
внутри треснувшего света

секс? будто подсолённая мелодия
пересекается с холмистым свистом

* * *

грек лиукоп
безъязыкой совести
в корзине смешной
уже исхлёстанной бунтом
(а ты шелестишь
нормировочным слоганом?)

ни единого цвета над городом
только шепчутся
утерянные облака
о слепом сведенборге
и
пристрелочные указы
формируются на винтовых лестницах

* * *

любой надрез – это сцена
с тусклыми прожекторами
неизбежного наказания

туман и фланель
берут в заложники тёплые пальцы

с дублёрами срать
или рубить трёхногие мачты?
о гнев склеротичный
и сиротливая похоть актёров

* * *

не следует ждать поворотов
в звуке разошедшемся
и парадоксальном определении
имбирного чая
со множеством неясных
эпизодов демонстративно прожитых
порознь на смех болотным курам
(так отдаётся в жёны почтенный
распивочный стол на острой бумаге)

* * *

любовное замыкание – редкость в дни
когда ветер качает прибрежные сосны
и буквы прячутся в коротких жестях
а ты проживаешь слепое пятно
по долгой диагонали

не проще ли попятному звену внутри
тихой матери воздуха чем в компании
назойливых садоводов?

* * *

затенён период вращения слухов
словно коттедж с левитирующим секретным агентом

вопреки пришлому любви яснее
осенней лёгкости огласовка
и тщетно повторение спелых пауз

точней только их и можно повторить
на берегу растроганного моря
как правила о неспрягаемых глаголах

* * *

голоден ли год смеховой? подобен
фигуре описанной лодыжкой –
так за рекой скользит фигурная скобка
наполовину окрашенная
невесомым маляром
или симфонию окрестности берedit
грамматической уклончивостью
токата тележного стука;
но плеть воздуха болезненна, и режет нёбо
клевер неспешного детского плача

* * *

ты говоришь: запасная
женщина одежда ушедших

ты говоришь:
женщина движение языка
по мочке уха филологический случай

ты говоришь:
устаревшее царство разделение
буквы на две червивые половины

говоришь:
винт уходящий в дыхание

история бунта история
прикосновений история красоты

три объёмные истории
ждушие воплощений

* * *

сочленения звука беспомощно
прилипают к ветру
пока продолжается игра с упругим бликом

похоть лежит на поверхности
словно проигранная василисе
приблудной слепая муха

харьков подходит к оправе дверной
казённым пунктиром
похожим на шорох болельщиком

* * *

внимание обращённое вспышкой
в отечество своё
цепляется за разговор
ненужно-любовный
с маковыми зёрнами брани

только один из живых камней
достоин желания
так молчальник покидает комнату ветра
три раза в месяц

чтобы заняться любовью
с отставною флейтисткой

небрежен уход обветшавших масок:
в одиночку ты не способен
сдвинуть узел с шахматной клетки
объявить устаревшим окружье боли

Cheap Beauty

насколько плотным быть может
искусство дежурной тени –
увидим уже в понедельник
тогда рассыплются мусорной византией
гористые экраны
и сядет под хмельным лицом сфинкса
усталый аравитянин
держа за руку призрак детской простуды

и расщепится день на подножьях
бутылочных мельниц
с завёрнутыми
в капустные листья ларьками
там где озеро «молодость» хранит картового бога
а в глазу его властном –
словно в цепи электрической – слухи
обкусывают ногти товарным знакам

* * *

видим человек всякий
слышим человек весенний
(не вентилятор – смерч девичьей памяти)
помнишь первую и вторую походку
в гостиничном номере
(ты как раз выходила прикурить сигарету) –

шахматной лошадкой
становится всяк поборовший зевоту

* * *

расширяется боль
до пределов слабых –
о как ты сегодня вращаешь посуду
как дразнишь юных акул
времени и пространства

неразличим ловкий свет
в руке статиста, говорливом "вниз"
отправлений почтовых
где жёлтые лунки блещут
поочерёдно как смехозавры

* * *

не гневная дилемма –
полированный знак отвергнутый
нашим молчанием; сумма внутренних сторон
(о жало где твоя беседа?)

опыт не смел по ночам
изнемогая от пресных деревьев
и стремительных берегов
близоруких словно паучы линзы

стягивается машинальная связь
захватывая боль как раскрытую книгу
изгоняя хроматику – с целомудрием
раскалённой степной ведьмы

Содержание

I	тёмное стекло между нами...	3
	песчаной молитвы...	3
	и мы простуда...	4
	чужое тепло...	5
	у сувенирной дочки...	5
	и я тоже...	6
	горит ли волчок...	6
	и винтового ветра дочерность...	7
	двуостр механизм языка...	8
	прядью мокрою, ряженой костью...	8
	схлопнулась недостача...	9
	одна и та же поверхность...	9
	докучен упавший свист...	10
	размеренна смерть в усечённом конусе...	10
	тростниковой дверью отслушивать...	11
	кран, полотенце – животные...	12
	подсветка трёхъярусного трейлера...	12
	нелюбовнику твоему...	13
	если я кажусь инкассаторской мамой...	13
	жизнь без любви на медных пластинах...	14
	слова – механизмы осязания...	14
	горе тем человекам которые бродячие утки...	15
	урок поражения / пьянящей волнистой линии...	15
	ударисься о подвижное число...	16
	попытка ответа / параллельно плоскости винтов...	16
	рек незаметных и тем запретных...	17
	неправильно понятая работа...	18
	наблюдение за изымающим тело...	19
	машина прерывания методично...	19
	шорох сдаётся в плен/ голосовой автомат...	20
	тугое что может быть другим...	21
	вновь костёр человеческий...	21
	я видел "это" и было "это" возможно...	22
	эпоха сентиментальности: люблю так...	23
	хочу ещё раз провести...	24
	свобода перемешивает карты...	25
	слёт судей игольчатых...	26
II	помнишь как пытались склеить историю...	28
	развязка комедии...	28
	на опознании ты показывала телеграмму...	28
	хочу взаимы такую же лестницу...	29
	допустимо ли отклонение...	29
	любвеобильные машины холода...	30
	так ли яростна древняя булка...	30
	разряжается ближней грозы...	31
	активней иных...	31
	нелепого секса ручьи...	32
	заканчивается область видимого...	32
	неряшливость любого взгляда в реку...	33
	ещё не сбросило...	33

синева захолустной головы не сносить...	34
хождение по шестерням смол крылатых...	34
свечению продай минуту...	35
но если нервно молотить по самом...	35
разведка свежа как речная звезда...	36
с попутчиками цвета мечтать...	36
обратным зверем утверждать обратное...	37
исчезновение – подарок владельцам...	37
жёрдочки упрекают разумных...	38
арендатор продувший в покер усы...	38
клавиатуру клюют...	38
и вдруг ты подписываешь ногтем...	39
рассматривать на выброс...	39
лишний день идёт на твоих двоих...	40
человек безголосого человека...	40
доктрина превентивного распада...	41
лишь осязание сможет доказать нам...	42
поговорим с насмешливыми мухобойками...	43
«нечего сказать» в форме глаза...	43
ангел спички упавшей...	44
плавится в случайных контейнерах...	44
разлом...	45
под солнцем синее солдат-бабочка...	46
что двойтся в нас – конечное, долгое...	47
мёд – это провал в существо дел...	47
хватаясь за новый предмет – а он чист как слюна...	48
стригущая расценки пыль...	49
ребёнок остаётся верен словам...	49
темы свёртываются в клубок меланхолии...	50
шаг ко склону...	50
обживаемся...	51
в машинах утра новый сбор...	52
касательная разучивает...	53
тот, кто хотел быть всем...	54
человек с номером "мне осталось"...	54
III ничья сумма...	55
с мёртвым двоеточием...	56
грек лиукор...	56
любой надрез – это сцена...	57
не следует ждать поворотов...	57
любовное замыкание – редкость в дни...	57
затенён период вращения слухов...	58
голоден ли год смеховой? подобен...	58
ты говоришь...	58
сочленения звука беспомощно...	59
внимание обращённое вспышкой...	59
Shear Beauty	60
видим человек всякий...	60
расширяется боль...	61
не гневная дилемма...	61

Бельский Станислав

Б44 Книга возвращений. – Днепр : Герда, 2021. – 64 с.

ISBN 978-617-7639-33-5

В девятую книгу стихотворений днепровского автора вошли авангардные тексты, созданные между 2017 и 2021 гг.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

БЕЛЬСЬКИЙ Станіслав Олексійович

КНИГА ПОВЕРНЕНЬ

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура PartnerCondensed
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 4,6. Тираж 150 прим. Замовлення № 33/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.
book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-33-5

